

Сергей
Скурихин

КОПЕЙКА

16+

Мир Синего Солнца

Сергей Скурихин

Копейка

«Автор»

2019

Скурихин С. Л.

Копейка / С. Л. Скурихин — «Автор», 2019 — (Мир Синего Солнца)

Она стояла в соседнем дворе. Всегда на одном и том же месте, как старый позеленевший памятник. Люди давно привыкли к ней и перестали замечать. Впрочем, внимание людей ей было ни к чему. А нужен был всего лишь один из них. Тот, кто сможет почувствовать её тайну. И, почувствовав, захочет прикоснуться. А прикоснувшись, не испугается шагнуть навстречу неизвестности! Она — это «копейка», автомашина ВАЗ-2101, а он — обычный человек, которому суждено продолжить её невероятную историю!

© Скурихин С. Л., 2019

© Автор, 2019

Сергей Скурихин

Копейка

1

Эта «копейка» стояла в соседнем дворе. Я наткнулся на неё взглядом каждый раз, когда проходил мимо. И каждый раз, видя её, я испытывал странное ощущение чего-то непонятного и одновременно тревожного. Что-то с ней было не так, но что именно?..

Может, то, что она была уникальным ретроавтомобилем? Пожалуй, нет. Эти «динозавры» пусть редко, но всё ещё встречались на дорогах нашего городка.

Или то, что за неполные три года я ни разу так и не увидел её в движении, не видел ни её владельца, ни пассажиров? Тоже нет. Мало ли таких брошенок ржавеет в городских переулках и дворах, занимая дефицитные места для парковки.

Может быть, её цвет? Да, вот он был необычен. Боюсь, теперь даже самое продвинутое оборудование для колеровки автоэмалей не сможет попасть в этот оттенок зелёного. Это был цвет времени. Тот цвет, который приобретали стены в подъездах или школьные парты в классах через много лет после их первой покраски, когда свежесть молодой листвы уже необратимо потускнела, впитав солнечный свет, пыль и микрочастицы людских судеб. Таким же матово-блёклым был зелёный цвет этой «копейки», выделяясь подлинной глубиной на фоне полировки современных одноразовых автомобилей.

И главное – «копейка» совсем не выглядела как сорокалетняя машина, которая годами стоит на одном и том же месте под открытым небом: не было характерного мусора под лобовым стеклом; колёса были не спущены; на кузове, бамперах и колпаках не проступали следы коррозии. Я ничего не понимал в машинах, но готов был биться об заклад, что этот аппарат на ходу. Я чувствовал, что «копейка» использовалась! Не знаю кем и как, но точно использовалась!

Окончательно я утвердился в этом пару дней назад, когда снова шёл через двор соседнего дома. Не устояв перед магнетизмом старой машины, я скользнул настороженным взглядом по её фарам-блюдцам. В этот момент в них отразились солнечные лучи, нащупавшие прореху в облаках, которую, правда, тут же заштопал ветер. И «копейка» будто мигнула мне условным знаком, известным каждому автолюбителю: «Будь осторожен, впереди опасность!» По моему позвоночному столбу пробежал холодок, и я на ходу споткнулся, мысленно чертыхаясь и укоряя себя за склонность к бытовому мистицизму.

Той ночью мне приснился сон. В нём я стоял на верхнем краю огромной воронки. До её центра было очень далеко, в глубине виднелась лишь чернеющая точка круглого провала. За краем воронки лежало внешнее безвременное НИЧТО, по крайней мере, у меня просто не нашлось других слов, чтобы описать ЭТО. Тем временем центростремительные силы воронки начали медленно закручиваться. Я всем телом чувствовал слабое давление среды, словно пока ещё деликатное приглашение прокатиться на этой чудовищной спиралеобразной карусели. Давление росло, и я выставил одну ногу вперед для упора, чтобы балансировать на узкой полосе. «А если поддаться течению и упасть в воронку, то не вынесет ли меня снова на её верхний край?» – во сне я спросил сам себя и, не сумев ответить, проснулся. До подъёма оставалось ещё честных полчаса, поэтому я лежал и думал о «копейке». То, что она не простой автохлам, было для меня уже очевидно. Вот только для одного ли меня? Наверняка несоответствие внешнего вида и характера эксплуатации машины должно было привлечь внимание и других жильцов, по крайней мере, её соседей по парковке...

Эта импровизированная парковка представляла собой заасфальтированный кусочек двора на четыре машино-места. Шлагбаума, разметки, персональных привязок к номерам квартир или машин она не имела и функционировала по простому принципу – кто первый

встал, того и тапки. Поэтому рядом с «копейкой» постоянно сменялись машины автовладельцев из соседнего дома.

Сектор, в который попадала эта часть двора с парковкой, хоть и под углом, но неплохо просматривался с моего балкона. На нём я в ближайший выходной и организовал наблюдательный пункт.

2

Для чистоты эксперимента наблюдать за машиной я решил всю неделю. Пришлось расчехлить видеокамеру и откопать на антресоли штатив. Ёмкости бортовой карты памяти, при видеозаписи на стандартных установках, должно было хватить часов на десять, как раз к моему возвращению с работы.

Утром понедельника я выставил камеру и задал на ней необходимое увеличение. На балконной потолочной сушилке я на плечиках повесил свою, якобы постиранную, длинную куртку, и она полностью закрыла камеру и верхнюю часть штатива, охватывая их снаружи. Расстегнув вторую снизу пуговицу куртки, я аккуратно выставил глазок объектива в образовавшуюся щель. Потом я включил запись на камере и отбыл к месту несения службы...

Видеоархив за день я каждым вечером скидывал на компьютер, и к субботе в папке «Копейка» уже лежали пять одинаковых файлов-кирпичиков, отличающихся друг от друга только последней цифрой в имени. Просматривал я их на ускоренном воспроизведении, чуть замедляя только в моменты появления людей возле машины. Собственно говоря, для фиксации их поведения всё это и было задумано. Хотя не скрою, от самой «копейки» я тоже готов был ждать чего угодно.

Как и ожидалось, соседствующий автопарк оказался невелик: два «сарая»-внедорожника, три корейских седана и пяток дальних потомков самой «копейки», исторгнутых тем же конвейером АвтоВАЗа. На ускоренной перемотке они с тараканьей быстротой крутились вокруг старой машины. И вся эта людская суета только подчеркивала монументальность старой машины, которая словно бы застыла во времени и пространстве. Странно, но люди не обращали на «копейку» особого внимания. Она давно стала для них элементом пейзажа. Стала тем, что не очень-то радует глаз, но имеет право на существование, например, как мусорный контейнер. Увы, большего они в ней не замечали, старая машина была им не интересна.

Однообразное многочасовое видео порядком меня утомило. К усталости добавилась ещё и досада. Опять мне почудилось то, чего не видел никто другой. Хотелось отрешиться от этой истории и хотя бы элементарно выспаться, но я знал, что долго не засну, а буду всю ночь думать о «копейке» и лишь под утро провалюсь в «вату» полусна.

Я выключил комп, встал из-за стола, обернулся и чуть не вскрикнул! На фоне вечеряющего неба за окном стоял высокий черный человек без головы!

После секундного оцепенения я грубо выругался вслух. Это была моя куртка, которую я сам же повесил на балконе.

3

Стрелки часов приближались к четырём утра. Их циферблат в пластиковом обруче висел на противоположной стене. Время от времени он мне казался похожим на круглую фару «копейки». Но когда я выныривал из забытья, в круге снова проявлялись узнаваемые контуры стрелок и цифр.

Под моей черепной коробкой тяжёлым свинцовым сгустком скапливался недосып. Вялость и мерзкое настроение на завтра были гарантированы, и от осознания этого мне стало душно, несмотря на открытые в квартире форточки.

Я встал, испытывая раздражение от всего: от постели, от тапочек и даже от звуков своих шагов. Прошаркав на кухню, я остановился у окна, внутренне борясь с желанием усугубить

бессонницу чашкой кофе. Тюль, мягко подхваченный порывом ночного воздуха, прикоснулся к моему лицу. Нестерпимо захотелось прижаться лбом к прохладе стекла.

Я подался вперёд, и сам того не желая, заметил во дворе сумеречный силуэт чёртовой «копейки». Она стояла там же и в том же положении, будто издевательский памятник, который установили в честь моего короткого помещательства. Я уже стал отводить от неё свой взгляд, но какая-то деталь, едва не ускользнувшая от внимания, заставила меня всмотреться снова.

Дверь! Левая передняя дверь не была до конца закрыта! Я зажмурил глаза до цветных пятен, но это не помогло. По всей высоте кузова «копейки» в месте примыкания двери шёл характерный перепад, создавая ломаную тёмную полосу.

Уже не веря своим глазам, я как чумной бросился в комнату за видеокамерой. Трясушимися руками, чертыхаясь, я только с третьего раза выставил режим ночной съёмки и увеличение. И камера так же показала, что дверь «копейки» полуприкрыта. Я нажал на запись и около минуты всматривался в почти статичную картинку, пока возбуждение не сменилось дикой усталостью.

Я дошёл до кровати и упал на неё вместе с камерой в руке. Организм, хвала природе, взял своё, и меня накрыло сном – тяжёлым, как стёганое бабушкино одеяло.

4

Вокруг было светло. Я чувствовал это даже сквозь неразлепляющиеся веки, их будто намазали канцелярским клеем. Я медленно приподнялся в сидячее положение и застыл на кровати, постепенно приходя в себя. Потянувшись, чтобы потереть глаза, я получил чувствительный удар справа и инстинктивно отпрянул. Сквозь щёлки век я разглядел видеокамеру в своей руке. Оказывается, я не выпускал её всю ночь благодаря фиксирующему ремешку.

Я тут же всё вспомнил – программный модуль «Копейка» снова загрузился в ячейки оперативной памяти. Что ж, лёгкая чертовщина, вошедшая в мою жизнь несколько дней назад, уверенно продолжалась.

Так поздно, в полвторого дня, я уже давно не умывался. Зеркало с циничной прямоотой показало дурацкую красную отметину над правой щекой. Под глазами набухли мешки похожие на пылесборники, если судить по их цвету. Это сравнение, несмотря на его неприятность, мне даже понравилось. Сразу подумалось, что не помешало бы и мне мозги как-то прочистить.

Кофе, отложенный ночью, был выпит без сахара и в двойной концентрации. Способ, проверенный годами, сработал, я заметно взбодрился. Захотелось на природу, чтобы там прогуляться и надышаться свежим воздухом. Главное – забыть, выкинуть из головы этот четырёхколёсный «морок» из соседнего двора.

Но саднящий на лице синяк настойчиво напоминал о видеокамере, точнее, о последней записи на ней. Из желания удостовериться, что всё это мне не приснилось, я скинул шестой файл в ту самую папку. Просмотр в различных плеерах и с увеличением части кадра подтвердил, что ночью мне не померещилось. Водительская дверь действительно была полностью не закрыта, чего ранее с «копейкой» не наблюдалось.

Честно говоря, я даже успокоился. Всё-таки дневной свет способствует рациональному восприятию мира. Это ночью в любой тени видится бездна. И первое, на что я подумал, что ночью кто-то пытался залезть в «копейку». Действовал злоумышленник из праздного интереса, так как какого-либо коммерческого интереса машина представлять не могла. Возможно, это развлекались подростки. Справиться со старым замком у них получилось, а сигнализации в машине, естественно, не было. Допотопный интерьер салона им быстро наскучил и они ретировались, допив свои энергетики или что-то там покрепче.

И ещё я подумал о другом случайном наблюдателе. Таком же как и я, только более решительном. Который, не в силах больше жить с этой загадкой, первым пошёл на активные действия. Странно, но эта мысль вызвала у меня прилив такой удушающей ревности, что я даже подивился силе последней. И эта противоестественная ревность заставила меня одеться

и выскочить в соседний двор. Я подошёл к «копейке» так близко, как никогда не раньше приближался. Теперь все её двери были плотно закрыты. Я, как баран перед новыми воротами, стоял напротив старой машины, и ни одной мысли не было в моей голове...

Из ступора меня вывел неясный шум, доносившийся справа. Я обернулся на звук и увидел крайний подъезд соседнего дома, ближайший ко мне. У подъезда кружком столпились несколько старых людей. А в просветы между их старомодными и тёмными одеждами виднелся гроб, расположенный на двух табуретках. Одна из женщин, уже бабушка, стояла у гроба там, где должны были находиться ноги покойника. Она сдержанно перешёптывалась с соседкой слева и искоса бросала на меня недовольные взгляды.

Раздался звук клаксона – к подъезду подъехал пазик, на лобовом стекле которого изнутри был прилеплен лист А4 с надписью «Ритуальные услуги». Из автобуса выскочили два мужичка и деловито пошли за привычным грузом. Редкий кружок скорбно расступился, открывая доступ к своему центру. Мужички профессионально и с должным уважением загрузили гроб в автобус через специальную заднюю дверь. Затем провожающие степенно, без плачей и причитаний стали подниматься в пазик.

Мне подумалось, что покойный был совсем одиноким человеком и не было у него ни детей, ни внуков, ни родственников помоложе. В последний путь его пришли проводить старики, такие же как он. И каждый из этих пожилых людей знал, что скоро и за ним или за ней приедет вот такой же пазик и заберёт туда, куда не бывает опозданий.

5

Ритуальный автобус тронулся с места, и я неосознанно подался вслед за ним. Его пыльный бок прополз вперёд, освобождая проход к подъезду, в котором на одного жильца стало меньше. Влекомый собственной инерцией я сделал ещё несколько шагов вперёд и, чтобы придать своему движению осмысленность, дошёл до лавки и сел на неё. На крыльчке стояла немолодая женщина в домашнем халате и тапочках. Она уже начала поворачиваться, чтобы войти в подъезд, но мы успели пересечься взглядами и рефлексивно поздоровались.

Она под села рядом. Звали её то ли Марья Сергеевна, то ли Марья Семёновна – я не разобрал – сказывалась бессонная ночь. Оказывается, меня она часто видела и знала, что живу я в соседнем доме. А ещё ей явно хотелось поговорить.

От неё-то я и узнал, что покойного звали Евгений Петрович. Что он был очень хороший человек. Что он был её соседом по площадке и жил в однушке напротив. Что ему было далеко за семьдесят. Что Евгений Петрович был детдомовский – дитя войны, не знавшее своего роду-племени. Что ни жены, ни детей у него не было. Что тридцать лет назад приехал он работать инженером на наш механический завод. Что ему несемейному, как ценному специалисту, сразу выделили целую квартиру. Что поселился он напротив их однокомнатной, где они ютились втроём, а сама соседка была тогда ещё ребёнком. Что четыре года назад Евгений Петрович слёг, у него отказали ноги. Что ходили к нему только два человека: соцработник – по графику и она, Марья Сергеевна-Семёновна, – по доброте душевной. Что, правда, иногда заходили бывшие коллеги по работе, но количество их визитов, как и самих визитёров, становилось с каждым разом всё меньше. Что Ольга Николаевна, с которой Евгений Петрович работал в одном отделе на заводе, последний раз приходила с месяц назад и оставила ей номер своего телефона и дубликат ключа от его квартиры. Что Ольга Николаевна сказала, что Евгений Петрович совсем плох и очень её просила заглядывать хотя бы раз в день. Что она, Марья Сергеевна-Семёновна, заходила по два, а то и по три раза в день. Что она подолгу сидела у постели Евгения Петровича с кружкой воды и лекарствами. Что на смертном одре Евгений Петрович признался ей, что всегда и по-доброму выделял её среди других соседей и относился почти по-отечески. Что Евгений Петрович очень хотел, чтобы у неё осталась на память какая-нибудь его вещь. И что гэдээровский ковёр лучше всего для этого подходит. Что она, Марья

Сергеевна-Семёновна, всячески от подарка отказывалась, но всё-таки сдалась, ибо грех противиться воле умирающего.

Обрушив на меня шквал этой информации, Марья Сергеевна-Семёновна не дала её толком переварить и тут же попросила об услуге. Речь шла о демонтаже и перемещении в её квартиру того самого гэдэеровский ковра. Поначалу я опешил, но потом всё же согласился, предположив, что многолетнее соседство и вверенный ей ключ не дают расценивать ситуацию как мародёрство.

Пока мы поднимались на третий этаж, она забросала меня вопросами: «Не юрист ли я? Нет ли у меня знакомого толкового юриста? Как по закону положено поступать с имуществом, у которого нет хозяев и наследников? Могут ли соседи, чисто теоретически, рассматриваться как дальние-дальние родственники?»

На все эти её вопросы я ответил односложно и отрицательно, даже не пытаюсь развивать тему. Мы остановились у крашенной деревянной двери с номером «54» в ромбике. Марья Сергеевна-Семёновна из складок халата извлекла ключ и вставила в замочную скважину.

– Жалко, – сказала она, завершая свой внутренний диалог, – получается, что и квартира отойдёт государству, и даже машину эту заберут!

– Какую машину? – спросил я на автомате.

– Как это какую? – Марья Сергеевна-Семёновна с подозрением скосилась на меня, – Вы же её только что во дворе разглядывали.

– Копейку?! – выдохнул я вопрос одновременно с ответом.

6

Квартира Евгения Петровича стала бы находкой для съёмочной группы, работавшей над фильмом про СССР и советский быт. Рассохшийся скрипучий паркет, крашенные плинтуса, выцветшие обои с крупным нелепым рисунком, простая угловатая мебель, посеревшая побелка на потолке – всё это было настоящее, всё это было оттуда.

Узкий коридорчик от входной двери г-образно огибал совмещенный санузел и раздваивался: прямо – кухня, налево – комната. В кухонном проёме был виден маленький столик, табурет и опустошённый и обесточенный холодильник «Саратов», дверца которого была распахнута настежь.

Мы зашли в комнату. Там стоял невысокий сервант, едва доставая мне до плеча, и телевизионная тумба без телевизора. А у противоположной стены, лишившись хозяина, остывала полуторная кровать.

Тонкий слой пыли, частично стёртый рукавами недавних гостей, лежал практически на всей домашней утвари. Похоже, что несколько дней перед смертью и, может быть, после неё покойный находился в полном одиночестве. Это плохо вязалось с рассказом соседки о регулярном бдении у постели Евгения Петровича.

Вожделенный ковер висел над кроватью. Сметливая соседка верно определила, что он был одним из немногих предметов в квартире, представляющих хоть какую-то ценность. По длинному верхнему краю ковра были пришиты маленькие металлические кольца, которые цеплялись за гвоздики на деревянной планке, прикрепленной к стене. Чтобы его снять, нужно было встать ногами на кровать, и всё моё существо запротестовало против этой воображаемой «пляски на костях». Соседка тоже почувствовала неловкость и неуклюже попыталась меня подбодрить. Она виновато улыбнулась мне, давая понять, мол, теперь уже можно. Мне захотелось немедленно уйти, но я сдержался. Сняв обувь, я залез на кровать.

Подцеплять крепёжные кольца было неудобно, да и сам ковёр оказался довольно тяжёлый, поэтому сделать всё аккуратно не получилось, сколь я ни старался. Отцепленный угол ковра по кровати сполз на пол, подняв облако пыли. От этого, вкупе со спёртым запахом старческого жилища, стало нечем дышать. Я спустился с кровати и открыл форточку.

Скрутив ковёр в неплотный рулон, я угрюмо посмотрел на соседку. Разговаривать с ней мне было противно. Та коротко кивнула и побежала к себе в квартиру. Видимо, ей нужно было подготовить место для складирования добычи.

В ожидании возвращения соседки я облокотился на сервант. За его стеклянными створками редко стоял хрусталь: пара салатников, явно подаренных на юбилеи, селёдочница и десяток бокалов и фужеров из разных наборов. На дне одного из бокалов что-то лежало. Я присмотрелся – это был небольшой металлический ключ. На его плоской головке красовалась надпись «ТОЛЬЯТТИ», а под ней были выбиты цифры номера.

То, что произошло дальше, я объяснить не могу – быстрым, почти обезьяньим движением я открыл створку серванта, достал ключ и убрал тот в передний карман джинсов. Задвигая стекло обратно, я оглядывался на входную дверь.

Да, воровство оказалось заразительным занятием! Недаром в уголовных кодексах всех стран самые суровые наказания предусмотрены за преступления в составе группы лиц. Я знал, что моему поступку оправдания нет, как знал и назначение ключа. Я просто хотел разобраться в истории с этой «копейкой», бескорыстно и без всякой задней мысли, а ключ потом вернуть обратно, да хоть в почтовый ящик.

Мои душевные терзания прервались появлением соседки. Я поднял ковёр, перехватив его посередине, и пошёл вслед за ней. Перед выходом на лестничную площадку соседка остановила меня. Она вышла первой, огляделась и прислушалась, затем открыла дверь своей квартиры и махнула мне приглашающим жестом. Она заметно нервничала и не хотела, чтобы нас кто-то увидел. Теперь я уже окончательно убедился, что отеческие чувства покойного к ней были сильно преувеличены самой рассказчицей.

Жилище соседки было зеркальной копией квартиры напротив. В прихожей я успел заметить одинокие мужские тапочки большого размера. Другой мужской обуви и одежды не наблюдалось. Значит, постоянного мужчины у соседки не было, чем и объяснялась её общительность с незнакомым человеком. Ей просто нужен был грузчик, желательнее из другого дома, который просто сделает дело и не станет болтать лишнего.

Я бросил пыльный ковёр в комнате и, перешагнув через него, пошёл на выход. Соседка порывалась дать какие-то деньги, но я даже не оглянулся. У меня же в кармане лежал ключ от «копейки», а это была лучшая награда за стыд последних минут.

7

Мимо «копейки» я прошёл уже с другим чувством – чувством хозяина. Нет, как произошло обретение ключа, конечно, я не забыл. Но всё равно ко мне пришла некая уверенность.

Лишь перейдя порог своей квартиры, я тут же достал ключ и стал его разглядывать. Удивительно, но я совсем не заметил брелок, когда доставал ключ из бокала. Это был короткий брусочек, туго сплетённый из цветной проволоки. Брелок сразу вызвал воспоминания о далёком детстве. Чего мы только не плели тогда из этой проволоки: корпуса ручек для шариковых стержней, рукоятки для маленьких ножичков, брелки в виде чёртиков и человечков. Откуда же у одинокого Евгения Петровича взялся детский самодельный брелок на автомобильном ключе, неужели он сплёл его сам? Это была ещё одна загадка, которую увёз с собой ритуальный пазик.

Тут мой желудок скрутил голодный спазм. Я вспомнил, что поздний мой завтрак состоял из одного лишь кофе, правда, крепкого. Беглый осмотр содержимого холодильника выдал перспективу яичницы с бутербродами, и я быстро соорудил себе этот нехитрый перекус. Подкрепившись, мне снова захотелось жить. Тело потребовало двигательной активности. Я затеял лёгкую приборку. Разровнял «гнездо» на кровати, снял куртку с балкона и помыл грязную посуду, скопившуюся за неделю. Через час, переводя дух, я присел за кухонный столик, на котором оставил ключ с брелком.

Я вертел брелок в руках и всё никак не мог вспомнить технику плетения. Увлёкшись, я стал отцеплять брелок от ключа, с которым он был соединён петлёй, скрученной из длин-

ных концов всё той же проволоки. Я размотал петлю и развёл четыре цветных конца в разные стороны. Внутри брелка было немного места и там отчётливо белело что-то продолговатое. С помощью иголки и пинцета я вытряхнул содержимое брелка на стол.

Продолговатым предметом оказалась обезглавленная спичка, вокруг которой был обмотан кусочек бумаги. Бумага была старая, типографская клетка на ней стала еле различима, а на внутренней стороне виднелась надпись, сделанная когда-то давно карандашом. Мне даже пришлось напрячь зрение, чтобы её прочитать. Из глубины десятилетий ровный аккуратный почерк сообщал мне шифр: «KM65M500B4P7C».

8

Интернет на мой поисковый запрос щедро выдал ссылки на насосное оборудование, манометры и запчасти к автомобильным двигателям. «Вывалилась» даже одна газовая варочная панель, артикул которой частично совпал с моей абракадаброй. Но увы, ни в одном из найденных вариантов полного соответствия не было.

Я ещё раз всмотрелся в бумажку – расстояние между третьим и четвёртым символами было чуть шире других интервалов. Возможно, это был пробел. Я ввёл запрос с данной поправкой и получил ссылку на ветку форума радиолюбителей, которая называлась «Советские плёночные и керамические конденсаторы». Вводное описание гласило: «Конденсаторы керамические постоянной емкости КМб. Конденсаторы КМб монолитные, многослойные, изолированные. Используются для работы в цепях постоянного, переменного и импульсного тока. По параметрам подразделяются на конденсаторы типов...». Далее шёл частокол из буквенных и цифровых аббревиатур, в котором я и нашёл свой шифр из прошлого. Совпадение было полным. Была даже маленькая фотография этого конденсатора. По цвету и форме он напоминал ириску «Кис-кис», только уже побывавшую во рту, после чего вся она приобретала округлость речного камушка. Визуальное отличие от ириски состояло только в двух длинных металлических проводках – контактах, выходящих из корпуса.

Итак, я имел уже два предмета, напрямую связанных с объектом моего нездорового интереса. Элементарная логика подсказывала, что скорее всего, они были связаны и между собой. И мне всего-то нужно было собраться с духом, чтобы пойти к «копейке» и попробовать её завести. Единственным подходящим временем для этого была либо глухая ночь, либо раннее утро: промежуток с двух до четырёх часов, тот самый «час быка» – время, когда земля беззащитна перед властью злых духов и чёрного колдовства. По крайней мере, так считали древние монголы. В общем, перспективка намечалась радужная.

Для проникновения в «копейку» будние дни не подходили. Чем могла закончиться ночная вылазка, я тоже знать не мог. Машина могла не открыться, не завестись или завестись так, что это не осталось бы незамеченным. Мне совершенно точно не хотелось встречать рассвет в отделении полиции, равно как и получить проблемы на работе по причине опоздания или, боже упаси, прогула. Поэтому для акции оставалась ночь с субботы на воскресенье. Легенду я выбрал простую: шёл домой после небольшого холостяцкого загула, на асфальте у машины заметил ключ, подобрал его, открыл и завёл машину из чисто технического любопытства, намерения на угон – «Вы шутите, товарищ полицейский?» – не имел, больше так делать не буду.

Хоть до субботы была целая рабочая неделя, нервничать я начал уже в понедельник. Особенно тревожно стало вечером, ближе к ночи. Это внутреннее состояние повторилось у меня и во вторник, и в среду, и в четверг с пятницей. А вот спал я в эти дни на удивление хорошо, спокойно и без сновидений. Но проснувшись, я начинал снова и снова прокручивать в голове последовательность своих будущих действий: как я надвигаю кепку с длинным козырьком на глаза; как аккуратно закрываю за собой входную дверь; как спускаюсь пешком, а не на лифте; как выхожу под козырёк подъездного крылечка и осматриваюсь; как иду не наперерез через двор, а к соседнему дому, и уже от него к «копейке»; как открываю водительскую дверь; как сажусь на сиденье; как вставляю ключ в замок зажигания и поворачиваю его...

Далее моя фантазия дорисовывала то буйволиный рёв клаксона, то скрежет и лязг ржавого железа, то взрыв машины, а то и всё это одновременно. К субботе я накрутил себя так, что уже не мог дожидаться ночи. Хотелось одного – скорей уже это сделать и будь что будет!

На часах было 22-30. Я накачивался кофе под старые добрые комедии. Спать совсем не хотелось, а хотелось вот так сидеть, пить горькую чёрную взвесь, глядя в монитор, и никуда уже не ходить. Но ключ от «копейки» лежал в моём кулаке. Он словно печать скреплял договор, по которому я добровольно взял на себя эти странные обязанности. И я их выполняю.

9

Я стоял у водительской двери «копейки». В сумрачном дворе не было ни души. Уличные фонари горели через один. Я вставил ключ в дверной замок и провернул вполоборота. На удивление, дверца мягко открылась. Я неуклюже сел на сиденье и тихо прикрыл за собой дверь.

От запаха салона «копейки» у меня закружилась голова. Так пахли старые книги и подъезды старых домов. Это был запах времени, тот самый, неподдающийся описанию, который многие и многие люди не чувствуют совсем.

Я выдохнул и стал концентрировать свой взгляд на приборной панели. Смотреть особо было не на что. В советском дизайне преобладали практичность и минимализм. Машины тогда делали, для того чтобы на них ездить, а не любоваться интерьером. Слева от рулевой колонки находился замок зажигания, и я вставил в него ключ. Задержав зачем-то дыхание, я осторожно повернул головку ключа вправо. Затем ещё раз и ещё. «Копейка» не реагировала.

Стало обидно. До горечи во рту. Как в детстве. Обидно, что история с «копейкой» заканчивалась вот так – холостыми поворотами ключа. А ведь ещё несколько дней назад я хотел эту машину начисто выкинуть из головы. Теперь же не знал, что делать с ней дальше. Конечно, можно найти автомеханика-авантюриста, который согласится ночью, соблюдая максимальную осторожность, проверить техническое состояние «копейки». Но машину наверняка потребуют отвезти в сервисный бокс, а это плюсом ещё автоэвакуатор. Тогда увлекательное шоу для пенсионеров соседних домов, страдающих бессонницей, будет точно обеспечено. Они запомнят не только людей, крутившихся возле «копейки», но и приметы эвакуатора: марку, цвет, номер.

Нет, привлекать кого-то в помощь я не мог. Только один, только сам. Для начала можно было открыть капот и проверить наличие аккумулятора и его подключение. Но если аккумулятор на месте и подключен, то его надо заряжать либо менять на другой. Да и дело могло быть вовсе не в аккумуляторе. В общем, всё шло к тому, что мне предстояло самостоятельно набраться базовых знаний об устройстве автомобиля, в частности, ВАЗ-2101.

Утвердившись в этой мысли, я потянулся за ключом. Уже достав его, я заметил тёмное пятно посередине широкой перемычки, которая соединяла замок зажигания и рулевую колонку. Я посветил себе телефоном. Это было не пятно, а небольшое прямоугольное углубление, судя по обработке краёв, не заводское. Большой палец руки погружался в него на половину ногтя. Я пригнулся как можно ближе к перемычке и посветил снова. В углублении, напротив друг друга, расположились две маленькие дырочки. Это было тоже напоминание о детстве – такой же след чёрная бабушкина шпилька для волос оставляла своими концами в куске пластика.

Я погасил фонарик мобильного и вышел из «копейки», закрыв за собой дверь. Ретировался я тем же маршрутом, только в обратном порядке. Перед следующей ночной вылазкой нужно будет провести основательную теоретическую подготовку, а значит, я знал, что буду делать в ближайшее время. От этого факта и ещё от того, что всё прошло по-тихому, у меня немного поднялось настроение. Вот только на часах было четыре утра. И лечь спать было уже поздно, и для бодрствования рановато. Я пошёл в ванную и принял контрастный душ. Потом влез в халат, налил себе кофе и засел перед компом.

С непривычки изучать технические описания и схемы было тяжело, сразу навалилась зевота. Тогда я решил поглощать информацию в самом удобоваримом виде – в формате видео. Всемирный видеохостинг по моей тематике содержал сотни роликов, в которых умельцы делились разными способами реанимации своих «копеек». И обилие технических терминов в моей «гуманитарной» голове быстро приобрело форму и суть субстанции, которую учителя старой школы называли «кашей».

Визуальный контент, в котором всё показывалось и называлось, а потом разбиралось, ремонтировалось и собиралось, мне помог только в одном. Фрагменты роликов, снятых в салонах различных «копеек», я специально посмотрел по несколько раз и видел чётко, что ни в одном из этих видео в перемычке между замком зажигания и рулевой колонкой никакого углубления не было!

10

В центре белого пространства был виден зелёный прямоугольный брусок. Ребристая верхняя поверхность выдавала в нём кусок пластилина. Он был новый, только что из коробки. Над ним появились две руки. Это были старые руки, тёплые, с сухими ладонями. Как у бабушки. Руки начали мять пластилин. Они сдавливали и вытягивали концы бруска, а потом выровняли всю фигурку, придав ей правильную геометрию кузова легковушки. Руки лепили «копейку». Затем одна рука поднялась вверх, пока не пропала из поля зрения. Потом эта же рука опустилась со шпилькой для волос, зажатой между большим и указательным пальцами. Рука аккуратно, даже нежно, воткнула концы шпильки в капот пластилиновой «копейки», которые оставили после себя две дырочки. Они, эти дырочки, напомнили мне что-то знакомое, уже виденное. А рука со шпилькой снова ушла вверх. И опять мягко появилась перед моим взором. Но шпильки в ней уже не было, а было нечто коричневое с округлыми сторонами. Рука поднесла это коричневое к «копейке», прямо к дырочкам от шпильки. И тут всё исчезло! И старческие руки, и пластилиновый муляж. А белое пространство стало плоским серым фоном, в центре которого зависла курсорная стрелка. Я попробовал смахнуть её рукой, и стрелки сразу не стало. А потом моя правая кисть погрузилась во что-то тёплое. Это тепло, согревая всю руку, медленно дошло до локтевого сустава. Тут серый фон стал расползаться к краям, и в его разрывах буднично проступила реальность: компьютерная мышь, опрокинутая кружка и лужица кофе, в которой лежала моя рука...

Я не стал стирать со стола, а закатав подмоченный рукав, полез в историю браузера за прошлые выходные. Перейдя по нужной ссылке, я скачал маленькую фотографию и открыл её в редакторе с двойным увеличением. Свежие образы и видения, ещё блуждавшие в моей голове, постепенно выстроились в логический ряд, в конце которого стоял на своих тонких металлических ножках конденсатор КМ65М500В4Р7С. Вот почему Евгений Петрович, видимо, досадуя на память, хранил его маркировку вместе с ключом. Углубление в перемычке рядом с замком зажигания явно предназначалось для корпуса конденсатора, а отверстия – для его контактов. Не исключено, что он выполнял роль второго ключа, без которого «копейка» не должна была завестись, например, как банковский сейф, открывающийся только двумя ключами. В таком случае, мне оставалось только надеяться, что в машине больше нет сюрпризов в виде технических доработок.

Из рассказа соседки я помнил, что Евгений Петрович был инженером, притом классным. Недаром ему от завода сразу выделили отдельную квартиру, а это в то время многое значило. Если до глубокой старости он сохранил дружеские отношения с бывшими сослуживцами, то значит, работу свою любил, «горел» на ней, как тогда говорили. Но своей семьи у него не было, а потому свободного времени должно было быть достаточно. Чем ещё заняться одиночному профессионалу дома, как не реализовывать свои инженерные идеи. Благо творчество в народных массах, особенно техническое, советская власть всячески поощряла и поддерживала. Миллионными тиражами издавались научно-технические журналы, регулярно выходили

телепередачи с подобной тематикой. Неудивительно, что по всей стране тысячи одарённых чудиков патентовали всякие самоходные аппараты. И не только патентовали, но и строили опытные образцы. Возможно, одним из таких изобретателей был и Евгений Петрович. Тогда от «копейки» можно ждать чего угодно! А я, учитывая нулевые познания в электротехнике и автоделе, был к такому не готов. Впрочем, это были проблемы следующего порядка. На данном же этапе мне требовалось где-то раздобыть нужный конденсатор, а второй подход к «копейке» делать уже с ним, чтобы проверить версию «двух ключей».

11

Старые конденсаторы, оказывается, были ходовым товаром. На мой поисковый запрос сразу выпало несколько ссылок. Вот только цены обескуражили. Сейчас эти изделия советской радиопромышленности торговались на вес, и цена за килограмм доходила до ста тысяч рублей и выше. Занимались этим бизнесом компании, имевшие свои сайты с каталогами и многоканальные телефоны. Контора такого профиля была и в нашем областном центре. На мой звонок туда ответил сотрудник, который едва поприветствовав и поблагодарив меня, тут же стал рассказывать про свежие маркетинговые акции своего работодателя. Я терпеливо прослушал стандартный рекламный блок, прежде чем задать свой вопрос. Мужчина на том конце провода пояснил, что минимальный вес партии товара составляет сто грамм и что они не продают конденсаторы, а наоборот, скупают их у населения и организаций. Я разволновался, что конечно же, сразу выдала дрожь в моём голосе. Телефонный визави, из жалости то ли ко мне, то ли к своему рабочему времени, посоветовал обратиться к одному частному лицу. Мол, этот человек уже давно работал с их конторой, поставляя широкий спектр радиодеталей. Звали его Семён Вениаминович, а жил он в нашем же городке. Я нацарапал номер его телефона на полях бесплатной еженедельной газеты и сердечно поблагодарил менеджера-скупщика.

До Семёна Вениаминовича мне пришлось дозваниваться, он ответил только на четвёртый звонок. Выслушав меня, Семён Вениаминович прочитал недлинную лекцию о конденсаторах. Из его рассказа я узнал, что конденсаторы семейства, к которому принадлежал искомый экземпляр, весьма дорогие. Объяснялось это наличием в них палладия – металла, который сейчас стоит дороже платины. Он заявил, что конденсаторы КМ65М500В4Р7С у него есть, но продавать их по одной штуке ему крайне невыгодно. Во-первых, у него уже скомплектована на продажу партия этих конденсаторов, и если хотя бы один уйдёт на сторону, то не будет партии. А если не будет партии, то не будет и специальных закупочных условий от компании-партнёра. Во-вторых, он вообще не работает с незнакомыми людьми.

Потом Семён Вениаминович взял классическую паузу, а я стал его уговаривать. Ломался он недолго, но в чём остался непреклонен, так это в цене. Четыре тысячи рублей и ни копейкой меньше! За одну маленькую деталь! Этот профессиональный «потрошитель» старых телевизоров правильно определил, что на другом конце провода висит страждущий дилетант, на котором можно неплохо заработать. Я тоже понимал расклад, но контраргументов у меня не было. Мне требовался именно КМ65М500В4Р7С. Честно говоря, подними Семён Вениаминович цену, я и тогда пошёл бы на его условия. Боялся я лишь того, что он может подсунуть мне какой-нибудь некондиционный экземпляр.

Мы договорились с ним встретиться вечером пятницы у центрального парка. Я подъехал на место к нужному времени. Семён Вениаминович оказался неприметным мужичком среднего роста. Он вообще производил впечатление какого-то потерянного человека: суетился во время нашего короткого разговора, а когда настал момент передачи денег за товар, то заметно напрягся. Меня пронзила догадка, что, возможно, он раньше из таких радиодеталей собирал на заводе бытовые или промышленные электроприборы, создавал то, что нужно было людям. Это уже на сломе эпох ему пришлось переквалифицироваться, чтобы стать одним из звеньев длинной цепочки «падальщиков». Впрочем, подтвердить данное предположение я не рискнул. Отдав деньги вперёд, я получил взамен маленький пластиковый пакетик. Коричневая поду-

печка конденсатора лежала внутри него и выглядела почти новой. На её лицевом боку чётко читалась заводская маркировка «KM65M500B4P7C», напечатанная в три ряда.

Не могу сказать, что четыре тысячи рублей пробили бюджет, но на протяжении всего пути домой меня одолевали чёрные мысли. А вдруг конденсатор нерабочий или бракованный? А вдруг он не подойдёт? Или он всё же встанет в гнездо, но «копейка» вновь не заведётся? И последнее предположение меня угнетало особенно остро.

В мрачных раздумьях я уже подходил к своему дому, но заметил скопление машин и людей у подъезда Евгения Петровича. Несколько зевак по сложной кривой окружали карету скорой помощи и полицейский уазик, стоявший рядом. Я машинально бросил взгляд на «копейку» и подошёл ближе, примкнув к группе таких же любопытствующих.

12

– Дочка у неё студентка. В другом городе учится. На втором курсе. Она-то и забила тревогу. Шутка ли, неделю до матери дозвониться не могла, – отрывисто и вполголоса говорила одна женщина кому-то в толпе.

– Подняла, значит, родственников, – подхватила другая, – те дверь открыли, а она, Маша, на кухне за столом сидит мёртвая. Говорят уже пахнуть начала!

Женщины синхронно поводили головами.

Тем временем вся толпа оживилась. Из подъезда показался первый медработник, за ним на небольшом отдалении второй. Они вынесли носилки. На носилках лежало тело, которое было полностью закрыто простыней. В толпе послышались вскрипы и причитания. Водитель скорой выскочил из кабины, открыл заднюю дверь и помог первому носильщику перехватиться, чтобы загрузить тело. В этот момент из-под простыни выбился край цветастого халата. Перед тем как захлопнулась дверь кареты, прошла всего-то пара секунд, но мне их хватило, чтобы узнать этот халат!

Следом из подъезда вышел врач – старший бригады скорой помощи, а с ним молоденький лейтенант полиции. Они обменялись несколькими фразами и разошлись по своим машинам.

Народ, прикоснувшись на миг к чужой смерти, стал разбредаться по своим жизненным делам. Я ещё раз обернулся на «копейку» и пошёл домой тоже.

Пока поднимался, я зачем-то пересчитал в уме все ступеньки до своей площадки, словно их точное число содержало ответ на волновавший меня вопрос. Если смерть Евгения Петровича воспринималась как событие печальное, но ожидаемое, то ранняя смерть его соседки просто выбивала из колеи! Что же с ней случилось? Она не была похожа на тяжелобольную в день нашего короткого знакомства, наоборот, демонстрировала активность и предприимчивость. Правда, есть масса примеров того как проблемы с сердцем уносили из жизни людей и в более молодом возрасте. Может быть, это карма за присвоенный ковёр? Но даже если и исчезнувший телевизор, и опустошённый холодильник тоже на её совести, то всё равно расплата была несоизмерима с проступком.

Да, что-то разгулялась безногая с косой на отдельно взятой лестничной клетке! Ещё и дочь-студентка осиротела. Впрочем, женщины у подъезда упоминали каких-то родственников, значит, всё было не настолько плохо.

Настроение совсем испортилось. Я достал конденсатор и положил его на полку рядом с ключом. По будним вечерам на меня частенько нападали жор, но сегодня аппетита не было. Заниматься изучением автомобильного нутра тоже расхотелось. Я решил хорошенько выспаться перед следующей ночью, на которую запланировал выход к «копейке».

Уснул я быстро и видел только один сон. Как я стоял босой в сером непроницаемом тумане. Тот был настолько плотным, что я не мог разглядеть своих ног. При этом по ним, по ногам, дул тёплый ветер. Кроме низового движения воздуха, я щиколотками чувствовал лёгкие прикосновения чего-то ещё. Я захотел нагнуться, чтобы потрогать рукой, но тут же проснулся.

Выспался я великолепно. Даже отказался от традиционного утреннего кофе, заменив его стаканом апельсинового сока из упаковки. И самочувствие, и настроение были в тонусе. Я с удовольствием позавтракал и начал теоретическую подготовку с того, что мне было ближе и понятнее – с краткого экскурса в историю волжского автомобильного гиганта.

От просмотра чёрно-белых фотографий на экране монитора меня отвлек звонок в дверь. Я никого не ждал. Заинтригованный, я подошёл к двери и посмотрел в глазок.

На площадке стоял вчерашний лейтенантик, тот самый, который садился в полицейский уазик у подъезда Евгения Петровича. Я открыл дверь, он поздоровался и вошёл.

Лейтенант оказался нашим новым участковым по фамилии Трушин. Честно говоря, я и прежнего-то участкового не видел ни разу, но появление нового стража порядка мне чем-то импонировало. Я проводил гостя на кухню и предложил чаю. Трушин поспешно, но вежливо отказался. Он был молод и не очень уверен в себе. Похоже, его служба в полиции только начиналась, и огрубеть он ещё не успел, не успел покрыться коркой делового равнодушия. Из планшетки он достал авторучку, какие-то бумаги и выложил всё это на стол перед собой.

– С Кислициной Марией Семёновной Вы давно знакомы? – спросил Трушин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.